

УДК 371(470.5)(091)
ББК 4403(235.55)6-4

ГРНТИ 03.23.55

Код ВАК 13.00.01

Попов Михаил Валерьевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: m-v-popov@yandex.ru.

Д. А. КИСЕЛЕВ (1877–1945) – РЕВОЛЮЦИОНЕР И ДЕЯТЕЛЬ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учительство; школы; революционная пропаганда; большевики; реформы образования; народное образование; политические деятели; гражданская война; педагогические техникумы.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются общественно-политические взгляды и деятельность уральского учителя словесности Д. А. Киселева, который за ведение революционной пропаганды в учительском сообществе был подвергнут репрессиям со стороны царского правительства. Под влиянием событий 1917 г. Киселев вступил в партию большевиков и после установления Советской власти был первым комиссаром по народному просвещению г. Екатеринбурга. В статье дается оценка деятельности комиссара весной – в первой половине лета 1918 г., показаны первые попытки реформирования системы школьного образования на региональном уровне, делаются выводы о недопустимости насилия и разжигания противостояния в обществе. Важное значение имела попытка комиссара просвещения в 1918 г. создать в Екатеринбурге высшее педагогическое учебное заведение – Уральскую высшую педагогическую школу. Особо исследуется участие Киселева и екатеринбургских учителей в разработке проектов создания новой единой трудовой школы. Специально освещается роль учителя-большевика в противостоянии Советской власти и учительской организации – Уральскому педагогическому союзу. Автор также анализирует деятельность Киселева на посту директора Екатеринбургского (Свердловского) педагогического техникума в 1920-е гг. – его стремление быть сторонником педагогических новаций этого периода. В статье впервые дается информация о судьбе Дмитрия Александровича в 1930-е гг., когда, несмотря на традиционные для того времени обвинения в троцкизме и вредительстве, ему удалось избежать уголовной ответственности.

Popov Mikhail Valerievich,

Doctor of History, Professor, Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

D. A. KISILEV (1877–1945) – REVOLUTIONARY AND PUBLIC EDUCATION ACTIVIST IN THE URALS IN THE FIRST DECADES OF THE SOVIET REGIME

KEYWORDS: teaching staff; schools; revolutionary propaganda; the Bolsheviks; educational reforms; people's education; national education; political leaders; civil war; pedagogical schools.

ABSTRACT. The article discusses socio-political views and activity of the Ural teacher of language arts D.A. Kisilev, who was subjected to repression by the Tsar for revolutionary propaganda among the teachers. Under the influence of the events of 1917 Kisilev joined the Bolshevik party and after the Soviet regime was established, he was appointed the first Public Education Commissioner in Ekaterinburg. The article analyzes the work of the Commissar in the spring – summer of 1918; it reveals the first attempts to reform the system of school education on the regional level; conclusion is made that violence and social unrest ignition were unacceptable. An attempt of the Public Education Commissar to establish higher pedagogical school in Ekaterinburg in 1918 – Ural Higher Pedagogical School – played a great role. Participation of D.A. Kisilev and Ekaterinburg teachers in the development of the project of a new labour school is paid special attention to. The role of a Bolshevik teacher in the opposition between the Soviet Regime and the teaching staff – Ural Teachers' Union – is discussed. The article focuses on the work of D.A. Kisilev in the position of Ekaterinburg (Sverdlovsk) Pedagogical Technical School Director in the 1920-s – his aspiration for teaching innovations of that period in particular. The article provides the information about D.A. Kisilev's life in the 1930-s, when, in spite of the accusations in Trotskism and sabotage, he escapes prosecution.

Столетняя годовщина революции и Гражданской войны в России показала отсутствие единства мнений в оценке этих событий в исторической литературе. Еще больше разброс оценок деятельности героев этого трагического времени, стоявших во главе враждующих лагерей. Что касается действующих лиц всероссийской драмы регионального уровня в различных

сферах общественной жизни, то зачастую информация о них вообще отсутствует. Это касается и активистов революционных нововведений в сфере народного образования, в том числе на Урале.

В советской исторической литературе описание жизни революционеров и чиновников революционных лет не получило освещения в силу того, что многие из них ста-

ли жертвами сталинских репрессий, на которых советская цензура не рекомендовала заострять внимание. В этом смысле судьба первого комиссара просвещения Екатеринбургa, которому посвящена данная статья, является, с одной стороны, типичной, а с другой стороны – не похожей на судьбы своих современников, в ней еще остаются многие, не выясненные до конца вопросы. Ведь еще в 1923 г. в сборнике «Екатеринбург за двести лет» сам Д. А. Киселев рассказал о своих взглядах и революционной деятельности в период событий революции и гражданского противостояния [18].

Однако впоследствии этот труд был переведен в спецхраны НКВД и вскоре забыт. И лишь в 1975 г. описание жизни Киселева вошло в сборник «Борцы за народное счастье» [20], где именно таким «борцом» изображается герой нашей статьи. В то же время до сих пор не все известно о жизни этого человека в 1930-е гг., не ясно, почему ему удалось избежать сталинских репрессий. Целью нашей статьи является освещение деятельности революционера и советского чиновника регионального уровня и попытка оценить революционные методы проведения реформ в сфере народного образования в период гражданского противостояния и в первые десятилетия Советской власти.

Дмитрий Александрович Киселев родился в 1877 г. в селе Аскин, Борского уезда Уфимской губернии [20, с. 226] в семье портного [25, л. 3]. О том, что в местности, где он жил в детстве, преобладало башкирское население, свидетельствует тот факт, что в анкете, написанной Киселевым, указывается, что наряду с русским он владел башкирским языком [25, л. 4]. Закончив сельское двухклассное училище, будущий комиссар народного просвещения Екатеринбургa за успехи в учебе был направлен для продолжения обучения в Благовещенскую учительскую семинарию и в 1893 г. стал учителем словесности. Здесь же, в Благовещенске, молодой будущий учитель познакомился с дочерью лесобходчика Александрой Николаевной Туркестановой, которая стала его женой. Позже у них родился сын. С 1886 по 1903 г. Киселев работал учителем начальных и двухклассных училищ в Кочкаре, Каргинском, Авзяно-Петровском и Белорецком заводах [25, л. 3]. В марте 1903 г. молодой преподаватель прибыл в Екатеринбург, где в мужской гимназии сдал экстерном экзамен за курс учительского института (тогда – это среднее специальное педагогическое учебное заведение) и получил право работать учителем русского языка и литературы в городских и высших начальных училищах [20, с. 226].

Что касается политических взглядов Киселева, то говорить о его партийной принадлежности в 1903 г. вряд ли возможно, но вот то, что молодой человек придерживался радикальной революционной идеологии, Киселев сам признавал впоследствии, указав в личном деле в 1944 г., что в это время он принадлежал «к сообществу, целью которого было низвергнуть существующий строй» [25, л. 4]. В Екатеринбургe Киселев не только учился, но и побывал на нескольких сходках революционеров, его свели с социал-демократами, Дмитрий проявлял живой интерес и к марксистской литературе. К началу 1903–1904 учебного года Киселев был направлен для работы на вакантное место в школе при Белорецком заводе, однако здесь он был арестован, отправлен в Троицкую тюрьму, где просидел три месяца и затем был выслан в Оренбургскую губернию под гласный надзор полиции [20, с. 227].

Вернувшийся из ссылки по амнистии в «дни свобод» в 1905 г. Киселев вновь отдался учительскому труду, работая в качестве учителя городских училищ в Соликамске, Кунгуре, Нижнем Тагиле [25, л. 3]. В 1911 г. он приехал в Екатеринбург, где вплоть до лета 1914 г. преподавал русский язык и литературу в торговой школе. В эти годы молодой преподаватель активно участвовал в общественной жизни города. В 1913 г., например, в зале общественного собрания он читал публичные лекции по педагогике [23, 1913. 1 октября]. Однако Дмитрий Александрович отказался от активной нелегальной деятельности. Сам Киселев считал, что в ряды большевистской партии он вступил в 1917 г. Однако свой партийный стаж вел с 1907 г.; в 1914 г. баллотировался в Екатеринбургскую городскую думу в качестве гласного от РСДРП, что позволяет нам предположить, что по партийной принадлежности он был меньшевиком.

Ситуация изменилась лишь в 1914 г., когда попечителем Оренбургского учебного округа было принято решение в Екатеринбургe (тогда лишь уездном городе) провести курсы повышения квалификации учителей Пермской губернии. На курсы, которые открылись в мае 1914 г. в здании Верх-Исетского народного театра, приехало 665 учителей, из них 268 мужчин и 367 женщин. В качестве преподавателей на курсах работали профессор и ведущие специалисты из столичных высших учебных заведений [16, с. 98]. В это время в Екатеринбург с целью проведения агитационно-пропагандистской кампании среди населения прибыли лидеры парламентской оппозиции в IV Государственной Думе во главе с трудовиком А. Ф. Керенским, и, естественно, они не хотели упустить шанс использовать съезд

школьных работников в качестве трибуны для антиправительственной пропаганды. Организатором выступлений членов Государственной Думы перед избирателями был предприниматель, владелец пивоваренного завода М. Х. Поляков. Что касается учительской аудитории, то тут инициативу организатора взял на себя Д. А. Киселев. Собрания не были разрешены полицией. Однако, как сообщала газета «Уральская жизнь», «1 июня после завершения на учительских курсах лекций профессора П. С. Когана несколько групп слушателей направилось на пикник в лес на Злоказовскую дачу. В лесу курсанты встретились с А. Ф. Керенским, который со своими знакомыми также был на пикнике. Произошло общее знакомство. Начались разговоры...» [23, 1914. 2 июня].

В опубликованном в 1923 г. сборнике «Екатеринбург за двести лет» сам Д. А. Киселев признает, что имела место запланированная политическая сходка, в которой приняли участие не только учителя, но и верх-исетские рабочие [18, с. 235–236]. Впрочем, о своей роли как организатора этой сходки Киселев не упоминает. Да это и не удивительно. Керенский – один из главных противников большевиков в годы революции – считался ярым врагом Советской власти, и сотрудничество с ним даже в прошлом оценивалось большевистским руководством крайне негативно. Даже в опубликованном в 1975 г. биографическом очерке о Киселеве выступление Керенского в лесу на Злоказовской даче оценивается чуть ли не как провокация, в результате которой «Керенский по сути выдал все прогрессивное учительство Екатеринбургa» полиции [20, с. 227]. Дело в том, что в результате предательства одного из учителей о запланированной сходке узнала жандармерия – в результате все участники собрания были окружены полицией и арестованы. Хотя все, кроме организаторов Полякова и Киселева, вскоре были отпущены, в квартирах участников собрания провели обыски, 67 человек было привлечено к судебной ответственности за участие в незаконном собрании [23, 1914. 3, 4 июня].

Надо сказать, что в лесу, на Злоказовской даче выступление Керенского не было единственным. Здесь выступали и другие депутаты Государственной Думы: от меньшевиков – Хаустов, а от большевиков – Муранов. Но, как сообщает в своем отчете жандармский осведомитель, особо благоприятное впечатление на учителей и рабочих произвела речь Керенского, поскольку вместо того, чтобы рассказать о положении дел в социал-демократической фракции в Государственной Думе, Хаустов и Муранов лишь пререкались между собой, спорили и

в конце концов даже подрались из-за различия своих политических взглядов [24, л. 97]. Ораторов, пользующихся парламентской неприкосновенностью, привлечь к ответственности не удалось. Что касается остальных, то следствие по их делу, вынесение и утверждение судебного решения длилось девять месяцев. Характерно, что если учительницы были оправданы, так как суд решил, что они «действовали бессознательно», то преподаватели-мужчины были признаны виновными и... оштрафованы на пять рублей за участие в незаконном совещании [23, 1915. 22 апреля].

Впрочем, по отношению к организаторам революционной сходки пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский прибег к карательным внесудебным мерам: по закону об усиленной охране все они, в том числе Д. А. Киселев, в 1914 г. были приговорены к административной ссылке. Дмитрий Александрович был сослан в Ирбит [25, л. 17]. В 1923 г. Д. А. Киселев, не упомянув ни слова о своем участии в событиях в Екатеринбурге летом 1914 г., не без сарказма отмечал, что губернаторские репрессии «...еще более убедили екатеринбургское учительство, как вредны занятия политикой». Снова настали тишь да гладь» [18, с. 236]. В то же время сам Дмитрий Александрович, находясь в ирбитской ссылке вплоть до 1917 г., дважды посылал телеграммы пермскому губернатору с заверениями о своей преданности и благонадежности [24, л. 102]. Обращаясь к губернатору с ходатайством о разрешении выехать в Екатеринбург, Киселев телеграфировал: «страдаю невинно, ради малолетнего сына не откажите в просьбе» [24, л. 99]. Однако все было напрасно. В мае 1916 г. начальник Пермского жандармского управления в ответ на прошение ссыльного писал ирбитским жандармам, что бывший учитель торговой школы в Екатеринбурге «вреден для государственного порядка и общественного спокойствия» [20, с. 227].

События 1917 г. подтвердили оценки жандармских чиновников. После возвращения из ссылки в результате революции, в марте 1917 г. Д. А. Киселев, вернувшись к учительской деятельности в качестве преподавателя торговой школы в Екатеринбурге, вступил в партию большевиков. В апреле он становится членом учительской профессиональной организации – Уральского педагогического союза (УПС), программа которого связывала проведение демократических реформ в народном образовании с созывом Всероссийского учредительного собрания. До мая 1917 г. этих же взглядов придерживался Д. А. Киселев. Однако после Всероссийской апрельской конференции большевиков вставший на позиции «Ап-

рельских тезисов» В. И. Ленина Киселев становится сторонником лозунга «Вся власть Советам!». В этой ситуации, как писал Дмитрий Александрович в 1923 г., летом 1917 г. Уральский педагогический союз уже не был организацией, объединяющей учительство, а, наоборот, разделял «учительство на секции – низших и средних школ» [18, с. 236]. На выборах в Екатеринбургскую городскую думу Уральский педагогический союз поддержал партию кадетов. Киселев же, оставаясь членом УПС, пошел на выборы в думу по списку кандидатов от РСДРП(б). В результате выборов в школьный комитет Екатеринбургской думы большинство голосов получили представители большевиков и их союзников – левых эсеров [18, с. 237]. С этого момента Уральский педагогический союз занял яркую антибольшевистскую позицию. Киселев стал называть эту учительскую организацию «черносотенной».

Совмещая работу в качестве учителя торговой школы с деятельностью гласного в городской думе, Киселев вел широкую большевистскую пропаганду среди учителей и учащихся. О результатах этой пропагандистской работы в определенной степени свидетельствует тот факт, что если весной 1917 г. слушатели екатеринбургского учительского института в подавляющем большинстве были сторонниками партии эсеров [16, с. 188], то уже осенью перешли на большевистские позиции, поддержав педагога-большевика в ходе инцидента в торговой школе в ноябре 1917 г. Здесь, в учительском коллективе Киселев публично объявил себя сторонником тактики большевиков и решительно отказался от поддержки партии народной свободы (кадетов), за которую призывал голосовать Уральский педагогический союз, членами которого были остальные преподаватели торговой школы. 9 ноября 1917 г. педагогический совет этого учебного заведения по предложению инспектора Зимина единогласно принял резолюцию, осуждающую Киселева [23. 1917. 14 ноября]. При этом все девять преподавателей объявили бойкот большевику. За него вступились учащиеся торговой школы, объявившие забастовку. Прекратить забастовку потребовал родительский комитет учебного заведения, по инициативе которого было создано собрание родителей. Сюда были приглашены также представители от учащихся и выпускников торговой школы.

Главным докладчиком был Д. А. Киселев, который рассказал о своей преподавательской деятельности в школе с 1911 по 1914 и в 1917 гг. Собрание приняло решение уволить из школы трех активных уча-

стников бойкота: Зарина, Штейнера и Марсова, а Киселева назначить инспектором этого учебного заведения [23. 1917. 23 ноября]. Так что, как пишет сам Дмитрий Александрович, «картина получилась обратная: забастовали все учителя школы, ученики возобновили занятия» [18, с. 238]. Вместо забастовавших преподавателей занятия по приглашению Киселева вели слушатели екатеринбургского учительского института. Однако прежний инспектор – Марсов – отказался сдать дела и даже опечатал школьное помещение. В результате в конфликт вмешались органы Советской власти. 7 декабря в квартиру Марсова явилось семь вооруженных солдат и заставили его следовать в Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов. Здесь он был вынужден дать подписку о передаче школы в трехдневный срок и выселении в этот срок из ведомственной квартиры [23. 1917. 22 декабря]. В ответ на насилие и вмешательство властей в дела школы Уральский педагогический союз объявил всеобщую забастовку.

События в Екатеринбургской торговой школе показали, что Д. А. Киселев является надежным сторонником большевиков с их «классовым» подходом к решению политических вопросов, при этом не исключая и применения насильственных методов. Это сильно импонировало радикально настроенному руководству Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов. Особое значение имело личное знакомство Дмитрия Александровича с одним из лидеров уральских большевиков П. Л. Войковым. Именно Войков рекомендовал назначить Киселева городским комиссаром просвещения Екатеринбургского совета в марте 1918 г., когда была ликвидирована система земского и городского местного самоуправления [20, с. 227].

Ведомство, которое возглавил бывший инспектор торговой школы, вначале называлось отделом народного образования при Екатеринбургском совете, а в середине марта 1918 г. эта структура получила название комиссариата по народному просвещению, в котором функционировало три отдела – школьный, театральный и внешкольного образования [14. 1918. 10 марта]. Кроме того, в состав коллегии городского комиссариата входил и екатеринбургский уездный комиссар, которому подчинялись учебные заведения Екатеринбургского уезда [11, л. 21]. Кроме действовавших в Екатеринбурге средних учебных заведений ведомству Киселева подчинялись 29 начальных училищ в уездном центре [11, л. 27] и 318 начальных училищ в Екатеринбургском уезде [1, л. 9].

Таким образом, учитель словесности Д. А. Киселев становится советским чиновником. Однако он в то же время продолжал оставаться революционером, поэтому главной целью для него становится – добиться абсолютного подчинения учебных заведений и учителей советской власти, хотя большинство их находилось под влиянием антибольшевистски настроенного руководства учительской организации – Уральского педагогического союза (УПС). Под предлогом «демократизации» системы образования Киселев объявил о выборах на учительские должности в учебных заведениях. Однако в подготовленных им инструкциях о составе избирательных комиссий сами преподаватели к выборам не допускались, в комиссиях большинство оказывалось сторонниками Советской власти: представителями советов профсоюзов, союза родительских комитетов, рабочей молодежи, а в средних учебных заведениях выборщиками делегировались члены «социалистического кружка учащихся» в данном учебном заведении [22, с. 29].

На совещании в Екатеринбургском совете 1 марта 1918 г. сторонник Уральского педагогического союза Харченко от имени большинства учителей заявил о неправомерности такой системы выборов. Более того, он утверждал, что подобные «выборы» не что иное, как назначение «свыше», точно так же как при самодержавном строе [11, л. 29]. Это вызвало протест председательствовавшего на собрании Д. А. Киселева, «который заявляет, что демократические организации, наоборот, идут навстречу учащимся» [11, л. 29]. Встретившись с отказом учителей участвовать в выборах по предложенной им схеме, комиссар просвещения прибег к насильственным административным мерам: отказавшиеся баллотироваться увольнялись с работы, в средние учебные заведения Екатеринбурга (где протест был наиболее радикальным) для наведения порядка были назначены комиссары Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов [16, с. 58].

Последовали отстранения от должностей начальников учебных заведений: директора екатеринбургского учительского института И. А. Тихомирова и начальницы второй екатеринбургской женской гимназии М. А. Агафоновой. При этом последняя была лишена должности в результате личного конфликта с Д. А. Киселевым, который расценил отказ Агафоновой предоставить ему для просмотра требовательные ведомости как «нежелание подчиняться распоряжениям Советской власти» [13, л. 60].

Столкнувшись с решительными действиями педагогов, возглавляемых Ураль-

ским педагогическим союзом, комиссар по просвещению пошел на раскол в учительском сообществе, призвав учителей лично объявить себя сторонниками большевистского режима. От имени Киселева в уездном центре было расклеены объявления: «Ввиду перевыборов педагогов всех учебных заведений г. Екатеринбурга Комиссариат Народного просвещения просит всех учителей, стоящих на платформе Советской власти, сообщить свои адреса в комиссариат – улица Уктусская, 15» [12, л. 21]. По инициативе Киселева 25 марта 1918 г. на собрании 24-х учителей – сторонников Советской власти в противовес Уральскому педагогическому союзу было проведено совещание Союза учителей-интернационалистов. Правление этой учительской организации возглавил Д. А. Киселев [23. 1918. 27 марта]. В мае 1918 г. отделения Екатеринбургского союза учителей-интернационалистов были созданы в Нижнем Тагиле, Челябинске, Ревде и других городах. К началу 1919 г. в Уральском регионе было уже 24 отделения этого союза [19, с. 35].

А как же идеи создания единой, трудовой, демократической школы, которых Д. А. Киселев придерживался еще до того, как он стал советским чиновником? Безусловно, сторонником реформирования школы Дмитрий Александрович оставался, однако до лета 1918 г. никаких инструкций «сверху» на этот счет от советских органов народного просвещения не поступало, стабильное финансирование учебных заведений из центра отсутствовало, а создать единую трудовую школу в масштабах одного города или уезда было невозможно. Об этом в мае 1918 г. Киселев совместно с кунгурским уездным комиссаром писали в комиссариат по просвещению Уральской области [11, л. 42]. Конечно, попыткой как минимум на шаг продвинуться хотя бы в школьной реформе в местном масштабе было решение Киселева отменить вступительные экзамены в средние и высшие начальные школы, заменив их пробными занятиями по русскому языку и арифметике. При этом в случае обнаружения недостаточности подготовки поступающих летом для них комиссариатом должны были быть организованы бесплатные курсы для подготовки к поступлению в первый класс [11, л. 1].

Поскольку в первой половине 1918 г. советские местные органы просвещения действовали достаточно самостоятельно, а инструктаж «сверху» был ограничен, безусловно положительной оценки заслуживает попытка Киселева создать в Екатеринбурге на базе учительского института высшее педагогическое учебное заведение – Ураль-

скую высшую педагогическую школу (УВПШ) [15]. Сам комиссар народного просвещения принимает участие в создании структур этого образовательного учреждения, подборе руководящих и преподавательских кадров. Именно по предложению Киселева председателем педагогического совета УВПШ был избран В. В. Троицкий [9, л. 1]. С самого начала Уральская высшая педагогическая школа должна была иметь общерегиональный характер и подчиняться комиссару по просвещению Уральской области, однако финансовую поддержку благодаря Киселеву школа получала от Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов [8, л. 1, 3]. Хотя финансирование учебных заведений со стороны Советской власти в первой половине 1918 г. не было систематическим и стабильным, именно из средств Екатеринбургского совета по инициативе Киселева в марте были выделены средства на ремонт Гоголевского начального училища [11, л. 29], обеспечена продуктами кампания по организации горячих завтраков в начальных училищах Екатеринбурга [11, л. 31].

Большое значение имело участие Дмитрия Александровича и его сторонников – екатеринбургских педагогов – в разработке проектов создания новой единой трудовой школы. На состоявшемся в июле 1918 г. в Перми съезде комиссаров народного просвещения и всех школьных работников, «стоящих на платформе Советской власти», присутствовала делегация от Екатеринбурга во главе с Д. А. Киселевым. По его поручению с докладом о трудовом начале в школе на съезде выступил преподаватель физики Уральской высшей преподавательской школы Н. Н. Соболев [10, л. 8]. Екатеринбургскими учителями был разработан и предложен проект школьной реформы, который был поддержан съездом [17, с. 204–206].

К концу 1917–1918 учебного года большевистскому руководству комиссариата народного просвещения Екатеринбурга удалось провести выборы преподавателей учебных заведений по правилам, разработанным Д. А. Киселевым. В результате на учительских должностях оказались сторонники Советской власти. Однако политика большевиков, направленная на раскол и общественное противостояние, в том числе в учительском сообществе, привела к эскалации насилия летом 1918 г. В конце мая в Челябинске начался мятеж чехословацкого корпуса, который поддержал противников большевистского режима. Узнав об этом событии и считая, что дни большевиков сочтены, многие учителя Екатеринбурга, находившиеся под влиянием Уральского педагогического союза, обратились в комис-

сариат народного просвещения с просьбой выдать им удостоверения о том, что «они не служат советской власти» [18, с. 241]. Д. А. Киселев ответил отказом. Объясняя причины такого решения, сам комиссар просвещения с сарказмом писал: «...во-первых, удостоверять то, что они делали, нелепо; во-вторых, это обращение было не по адресу: это прямое дело того Союза (УПС – автор), в котором они продолжали состоять» [18, с. 241].

После установления власти белогвардейцев в конце июля 1918 г. Д. А. Киселев эвакуировался вначале в Пермь, затем в Вятку, оттуда распоряжением Наркомпроса РСФСР был направлен на Украину, где в Клинцах Черниговской губернии он был заведующим уездным отделом народного образования [20, с. 229]. После восстановления Советской власти Киселев в 1920 г. возвратился в Екатеринбург на свою прежнюю должность. В 1921 г. он работал в качестве инспектора военно-учебных заведений Екатеринбургской губернии [25, л. 3].

Новым этапом в жизни деятеля просвещения становится его назначение в 1922 г. на должность заведующего Екатеринбургским (с Свердловским) русским педагогическим техникумом. Для деятельности Киселева на этом поприще характерно стремление превратить это педагогическое учебное заведение в главный центр подготовки учительских кадров Уральского региона. Уже осенью 1924 г. русский педагогический техникум был преобразован в Уральский объединенный политехникум, в состав которого вошли три отделения: русский и татаро-башкирский педагогические техникумы и техникум землеустроительный [22, с. 220]. Количество учащихся здесь весной 1925 г. составляло 350 человек [7, л. 82]. Это было значительно больше, чем число будущих учителей в Пермском педтехникуме. Общеуральский характер Уральского педагогического политехникума подтверждает тот факт, что выпускники 1924–1925 учебного года распределялись на работу в качестве учителей в различные округа и районы Уральской области, а не только в пределах Свердловского округа [5, л. 15].

Большевистский «классовый» подход к решению проблем сохранился в деятельности Киселева и на этом поприще. Это проявлялось, например, в том, что прием желающих учиться в техникум осуществлялся по социальному признаку – выходцы из рабочих и крестьян имели преимущества по сравнению с теми, кто происходил из других сословий [22, с. 221]. Когда же приемная комиссия техникума по результатам успешно прошедших вступительных экзаменов

зачисляла в качестве обучающихся детей священников, директор в качестве условия для зачисления требовал от «социально чуждых» предоставлять справку о том, что они порвали отношения с родителями [4, л. 39]. В реальной действительности в большинстве случаев для этого было достаточно опубликовать в местной газете заявление детей священников о прекращении своих родственных связей.

В техникуме Д. А. Киселев продолжал и свою учительскую деятельность: вначале, в 1922–1923 учебном году он преподавал политическую экономию [6, л. 181], а с 1924–1925 учебного года на русском и татаро-башкирском отделениях читал курс под названием «Работа с населением» [3, л. 66]. Киселев был сторонником педагогических новаций середины 1920-х гг., когда в соответствии с программой Государственного ученого совета (ГУСа) предметный принцип изложения материала стал заменяться комплексным. В учебных планах Свердловского педтехникума было выделено три цикла – цикл по изучению общества, цикл по изучению природы и цикл по изучению трудовой деятельности. В основу работы учащихся была положена лабораторная система. На заседаниях цикловых комиссий преподаватели совместно с учащимися рассматривали наиболее сложные вопросы, затем обучающиеся разделялись на звенья (примерно по шесть человек), которые по заданиям преподавателей самостоятельно изучали рекомендованную литературу. После этого под руководством педагогов проводились заключительные цикловые конференции, на которых подводились итоги и выставлялись отметки [22, с. 226]. В то же время Киселев требовал, чтобы преподаватели тщательно готовились к заседаниям цикловых комиссий, согласовывая между собой точки зрения на принципиальные проблемы, выносимые на обсуждения. В приказе по техникуму от 20 февраля 1925 г. Дмитрий Александрович потребовал от заведующего учебной частью, чтобы повестки дня каждого заседания цикловых комиссий предварительно согласовывались лично с ним [2, л. 18].

Однако во второй половине 1920-х гг. на страницах периодической печати и на педагогических совещаниях, в том числе в Свердловске, стала неоднократно раздаваться критика в адрес комплексного построения программ и бригадно-лабораторных методов обучения. В ноябре 1926 г. Свердловский педтехникум был разделен на два самостоятельно существующих учебных заведения – русский педтехникум и татаро-башкирский [22, с. 227]. В начале 1927 г. Д. А. Киселев оставил свою работу в качест-

ве директора педтехникума и перешел на должность заведующего Уральским областным архивным управлением, которую занимал в течении десятилетия [25, л. 3].

Свою преподавательскую деятельность и связи с учительством он не прервал: в качестве совместителя преподавал русский язык и литературу в индустриальном техникуме, постоянно выступал с лекциями перед учителями. Именно эта деятельность во многом явилась источником тех неприятностей, с которыми он столкнулся. В октябре 1928 г. Киселева привлекли к партийной ответственности за то, что получая жалование за преподавательскую работу по совместительству, он получал зарплату и по основному месту работы – в результате общие доходы превысили партмаксимум – то есть ту сумму вознаграждения за труд, которую разрешалось получать члену ВКП(б). Пришлось доказывать свою невиновность документально тем, что в связи с работой по совместительству в полном объеме из средств Областного архивного управления зарплата его начальнику не выплачивалась [24, л. 27].

Более серьезные обвинения Киселеву были выдвинуты парторганами после его выступления с лекцией «по диалектическому материализму» перед студентами педтехникума и учителями в Нижнетагильском доме просвещения в феврале 1935 г. Вот что говорится в решении партколлегии Комиссии партийного контроля по Пермской железной дороге: «Говоря о личности в истории для примера привел Троцкого, который, по мнению Киселева, был вождем Красной Армии в период его пребывания в партии; говоря о Троцком, Киселев совершенно не вскрыл контрреволюционной сущности Троцкого и троцкизма» [24, л. 70]. Характерно, что лекция была прервана преподавателем Чернышевым и представителем облоно Кошелевым [там же, л. 70]. Для того времени обвинения были серьезными. Первичной партийной организацией Киселев был исключен из рядов большевистской партии.

Началось партийное следствие, затянувшееся до февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б), давшего толчок к ужесточению политических репрессий в стране. В Свердловский облисполком поступила анонимка с обвинениями в адрес Киселева по поводу его деятельности в качестве заведующего Областным архивным управлением [там же, л. 20]. Сюда в марте 1937 г. была направлена комиссия в составе старшего инспектора Центрального архивного управления РСФСР и инструктора Свердловского облисполкома. Комиссия выявила серьезные недостатки в работе

управления, возглавляемого Киселевым [24, л. 21–28]. Казалось бы, события должны были развиваться по типичной для тех лет схеме: арест, обвинения во вредительстве, уголовное наказание. Однако неожиданно дело приобрело иной поворот. В январе 1938 г. Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) Дмитрий Александрович был восстановлен в партии, лишь за допущенные во время лекции в Нижнем Тагиле политические ошибки ему был объявлен выговор [там же, л. 103]. Более того, бывшему комиссару просвещения была назначена персональная пенсия, а с 1941 г. он «находится на научной работе», с 1942 г. занимает должность директора музея Я. М. Свердлова в областном центре [25, л. 3].

Таким образом, в начале XX в. профессиональный уральский учитель Д. А. Киселев становится сторонником революционной идеологии. За попытки пропаганды революционных идей, прежде всего в учительском сообществе, он подвергся репрессиям со стороны царского правительства. Под влиянием событий 1917 г. Дмитрий Александрович приходит к выводу о возможности решения назревших перед страной проблем, в том числе в сфере народного образования, путем усиления и гражданского противостояния, что приводит его в партию большевиков, а с их приходом к власти учитель становится советским чиновником – комиссаром народного просвещения Екатеринбурга, и в первой половине 1918 г. именно с его деятельностью связаны по-

пытки реформирования школьного образования в городе и уезде. Направленность этих реформ поддерживалась подавляющим большинством учительства, однако «классовый» подход и насильственные методы их проведения вызвали негативную реакцию со стороны учительского сообщества. Насилие со стороны большевиков весной – первой половине лета 1918 г. не носило массового репрессивного характера, но оно усиливало социальный раскол в обществе, в том числе среди учителей.

После гражданской войны, находясь на должности директора Уральского (Свердловского) педагогического техникума, Д. А. Киселев продолжал проводить «классовую линию» большевиков, «регулируя» социальный состав учащихся этого учебного заведения, был сторонником педагогических новаций середины 1920-х гг. и активно проводил их в жизнь.

Судьба бывшего комиссара по просвещению Екатеринбурга оказалась во многом не типичной для активистов революционных событий – большинство из них было репрессировано в 1930-е гг. Причины этого не совсем ясны, так как обвинения в троцкизме, приведшие к исключению из партии, и во вредительстве в 1937 г. были налицо. Долгое время имя комиссара просвещения Екатеринбурга не упоминалось в советской исторической литературе, и лишь в 1970-е гг. советскими партийными идеологами Д. А. Киселев был назван «борцом за народное счастье».

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р. – 79. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ГАСО. Ф. Р. – 86. – Оп. 1. – Д. 17.
3. ГАСО. Ф. Р. – 86. – Оп. 1. – Д. 24.
4. ГАСО. Ф. Р. – 86. – Оп. 1. – Д. 30.
5. ГАСО. Ф. Р. – 86. – Оп. 1. – Д. 31.
6. ГАСО. Ф. Р. – 86. – Оп. 2. – Д. 2.
7. ГАСО. Ф. Р. – 233. – Оп. 1. – Д. 175.
8. ГАСО. Ф. Р. – 1480. – Оп. 1. – Д. 1.
9. ГАСО. Ф. Р. – 1480. – Оп. 1. – Д. 2.
10. ГАСО. Ф. Р. – 1480. – Оп. 1. – Д. 7.
11. ГАСО. Ф. Р. – 1600. – Оп. 1. – Д. 5.
12. ГАСО. Ф. Р. – 1600. – Оп. 1. – Д. 6.
13. ГАСО. Ф. Р. – 1600. – Оп. 1. – Д. 7.
14. Зауральский край.
15. Игошев Б. М., Попов М. В. Революция и Уральская высшая педагогическая школа (к 95-летию со дня создания) // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 2.
16. Игошев Б. М., Попов М. В., Елисафенко М. К., Суворов М. В. История развития педагогического образования в Екатеринбурге (в 1871–1930). – Екатеринбург, 2013.
17. Кальсина А. А., Шестова Т. Ю. Развитие образования и здравоохранения в Пермской губернии в период Первой мировой и Гражданской войны. – Пермь, 2011.
18. Киселев Д. А. Екатеринбургская школа в 1911–1923 гг. // Екатеринбург за двести лет (1723–1923). – Екатеринбург, 1923.
19. Кондрашова М. И. Коммунистическая партия – организатор формирования социалистической интеллигенции на Урале в 1917–1927 гг. – Иркутск, 1985.
20. Мотырев А. Борьба за школу // Борцы за народное счастье. – Свердловск, 1975.
21. Попов М. В., Бахтина И. Л. Свердловский педагогический техникум – региональный центр подготовки учительских кадров в Свердловске в 1920-х гг. // Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания : ежегодник XXI всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2017. – Ч. II.

22. Попов М. В., Бахтина И. Л., Игошев Б. М., Клименко И. М. *Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в годы революции и Гражданской войны (1917 – начало 1921 гг.)*. – Екатеринбург, 2018.
23. *Уральская жизнь*.
24. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1334.
25. ЦДООСО. – Ф. 161. – Оп. 14. – Д. 1224.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (dalee – GASO). F. R. – 79. – Op. 1. – D. 1.
2. GASO. F. R. – 86. – Op. 1. – D. 17.
3. GASO. F. R. – 86. – Op. 1. – D. 24.
4. GASO. F. R. – 86. – Op. 1. – D. 30.
5. GASO. F. R. – 86. – Op. 1. – D. 31.
6. GASO. F. R. – 86. – Op. 2. – D. 2.
7. GASO. F. R. – 233. – Op. 1. – D. 175.
8. GASO. F. R. – 1480. – Op. 1. – D. 1.
9. GASO. F. R. – 1480. – Op. 1. – D. 2.
10. GASO. F. R. – 1480. – Op. 1. – D. 7.
11. GASO. F. R. – 1600. – Op. 1. – D. 5.
12. GASO. F. R. – 1600. – Op. 1. – D. 6.
13. GASO. F. R. – 1600. – Op. 1. – D. 7.
14. Zaural'skiy kray.
15. Igoshev B. M., Popov M. V. *Revolyutsiya i Ural'skaya vysshaya pedagogicheskaya shkola (k 95-letiyu so dnya sozdaniya) // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2013. – № 2.*
16. Igoshev B. M., Popov M. V., Elisafenko M. K., Suvorov M. V. *Istoriya razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v Ekaterinburge (v 1871–1930)*. – Ekaterinburg, 2013.
17. Kal'sina A. A., Shestova T. Yu. *Razvitie obrazovaniya i zdravookhraneniya v Permskoy gubernii v period Pervoy mirovoy i Grazhdanskoj vojny*. – Perm', 2011.
18. Kiselev D. A. *Ekaterinburgskaya shkola v 1911–1923 gg. // Ekaterinburg za dvesti let (1723–1923)*. – Ekaterinburg, 1923.
19. Kondrashova M. I. *Kommunisticheskaya partiya – organizator formirovaniya sotsialisticheskoy intelligentsii na Urale v 1917–1927 gg.* – Irkutsk, 1985.
20. Motyrev A. *Bor'ba za shkolu // Bortsy za narodnoe schast'e*. – Sverdlovsk, 1975.
21. Popov M. V., Bakhtina I. L. *Sverdlovskiy pedagogicheskij tekhnikum – regional'nyy tsentr podgotovki uchitel'skikh kadrov v Sverdlovskje v 1920-kh gg. // Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya: dostizheniya i problemy nauchnogo poznaniya i prepodavaniya : ezhegodnik XXI vsjeros-siyskie istoriko-pedagogicheskie chteniya*. – Ekaterinburg, 2017. – Ch. II.
22. Popov M. V., Bakhtina I. L., Igoshev B. M., Klimenko I. M. *Obsheobrazovatel'nye shkoly i uchitel'stvo Ekaterinburga v gody revolyutsii i Grazhdanskoj vojny (1917 – nachalo 1921 gg.)*. – Ekaterinburg, 2018.
23. *Ural'skaya zhizn'*.
24. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (TsDOOSO). – F. 4. – Op. 21. – D. 1334.
25. TsDOOSO. – F. 161. – Op. 14. – D. 1224.